



А. ЕГОРОВ,  
рабочий завода «Вакуум-Ойль»

### КАК МЫ БОРОЛИСЬ ЗА ОКТЯБРЬ

**В**осьмого июня я приехал в Петроград с фронта и, конечно, пошел на завод «Вакуум-Ойль», с которым был связан. Там я встретил старых знакомых. Они мне говорят:

— Если думаешь серьезно работать, то вступай в большевистскую партию. Иди во дворец Кшесинской, там тебя запишут. Мы тебя рекомендуем.

Пошли. Василий Иванович Касаткин дал рекомендацию. Меня записали.

Я предложил свои услуги по организации боевых дружин.

— Я военный человек и на этом деле буду полезнее всего, — заявил я тут же.

Но меня еще не знали и потому направили на завод к тов. Тыквину. Тов. Тыквин — наш рабочий, партиец. Он меня знал и сразу же предложил вступить в отряд Красной гвардии, который тогда формировался.

Так я вступил в Красную гвардию.

Нужно было поддерживать связь с милицией и заботиться о получении оружия. Я был связан с Невской районной милицией, добывал патроны и винтовки, держал связь с боевой рабочей дружиной Александровского завода.

Винтовки и патроны мы прятали в землю.

3 июля выступила и наша боевая дружина.

Мы быстро двигались по направлению к Царскосельскому вокзалу и уже дошли до угла Невского и Садовой. Здесь нас встретил значительный отряд юнкеров.

Наш отряд имел всего 20—22 человека. В отряде были Тыквин, Касаткин, Гусев, я и другие товарищи.

Юнкера открыли по нам пулеметный огонь. Наш отряд не пострадал потому, что мы раскинулись цепью около домов, но было убито и ранено много прохожих. Силы были слишком не равны, и мы отступили.

У Николаевского вокзала мы остановились, обсудили положение и решили вернуться на завод.

На заводе (на следующий день) мы еще раз обсудили уроки вчерашнего дня. Выяснилось, что 3 июля выступление было не подготовлено. Мы не подняли всех рабочих заводов, мы выступили небольшим отрядом. Не все воинские части были на нашей стороне. Солдаты, поднявшие восстание, не были вооружены. И мы решили учесть все уроки и повести большую массовую работу среди рабочих и солдат.

На нашем заводе насчитывалось 150 рабочих. Партийцев имелось пять человек. Это (по тем временам) считалось большой партийной прослойкой. Например, на заводе Семянникова, ныне имени тов. Ленина, было 8000 рабочих и всего 30 коммунистов.

В нашу ячейку входили Алексей Тыквин, дядя Вася, Гриша, я и один товарищ, — имени его не помню. Мы собирали рабочих и беседовали с ними на разные темы — о войне, об экономическом положении и т. д.

Настроение рабочих было напряженное. Все были очень недовольны Временным правительством, возмущались лозунгом «война до победного конца».

Мы, конечно, старались использовать эти настроения и обстановку и мобилизовывали рабочих вокруг наших лозунгов — против Временного правительства, за вооружение рабочих.

Сочувствующих имелось много. В октябрьские дни наш отряд насчитывал уже 35 человек — это те товарищи, среди которых мы вели работу.

24 октября мы получили распоряжение от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов быть готовыми к выступлению. Это было в 9 часов вечера. А в 11 часов вечера мы получили второе распоряжение и выступили в город, в распоряжение Антонова-Овсеевского.

В 12 часов ночи Антонов-Овсеенко велел отряду занять телефонную станцию. В отряде были рабочие заводов «Вакуум-Ойл», «Салолин» и бывшего Нобеля (теперь «Красный нефтяник»).

Телефонную станцию заняли без боя. Телефонистки, конечно, подняли шум. Мы рассадили своих людей в очередь с телефонистками.

Затем командир распорядился занимать Главный штаб. Отряд двинулся к Невскому проспекту.

Мы уже подошли к арке, ведущей к площади Зимнего дворца. Вдруг слышим выстрелы со стороны Зимнего. Мы бросились вперед, но Антонов-Овсеенко, который был тут же, задержал нас.

В Зимнем засели юнкера и женский батальон, вокруг дворца выселись баррикады из дров. Надо было действовать осторожно, наверняка. Мы так и делали.

25 октября к часу дня наш отряд вырос: подошли броневики и автомашины. С Миллионной улицы наступали матросы.

Антонов-Овсеенко дал сигнал и потребовал сдачи. Зимний молчал. Тогда мы двинулись вперед. На баррикадах столкнулись с женским батальоном и опрокинули его.

Женщины с криком, с плачем бросились во дворец. Мы — за ними.

Матросы, которые наступали с Миллионной улицы, тоже ворвались во дворец.

На лестницах нас встретили юнкера с винтовками на изготовку. Произошла стычка. Некоторых мы покололи, а остальных разоружили. Разоруженных стали обыскивать.

Тут нам пришлось порядком посмеяться: оказалось, что «идейные» и «культурные» защитники Зимнего — юнкера — набрали под «шумок» полные карманы серебряных вещей, ордена — всё, что попало под руку.

По коридорам мы добрались до зала, где заседало Временное правительство. Антонов-Овсеенко с бомбой и револьвером в руках во главе нашего отряда ворвался в зал.

— Руки вверх! — крикнул он.

Члены Временного правительства сидели вокруг стола: кто пил чай, кто дремал, кто разговаривал.

Они не сопротивлялись.

Их арестовали. Антонов-Овсеенко приказал отряду отвести их в Петропавловскую крепость. Я был с отрядом, который отводил арестованных членов Временного правительства.

Затем наш отряд отправился на завод.

По дороге на завод мы встретили тт. Воробьева и Дункена. Они ехали за Невскую заставу.

— Нужно ехать за Невскую разоружить милицеевскую комендатуру. Едем с нами.

Мы поехали. Приезжаем на Смоленский, к дому № 49. Комиссаром комендатуры был меньшевик Иванов-Белковский. Мы предложили ему сдать комендатуру без боя. Комендатуру Белковский сдал, а сам с несколькими милиционерами ушел на Железнодорожную улицу. Там он основал «свою» комендатуру.

Однако эта «комендатура» просуществовала всего два дня. На второй день его штаб мы разогнали, а на третий день был арестован сам Белковский.

Одним из важных мероприятий было поддержание на улицах революционного порядка. В районе к тому времени был организован штаб Красной гвардии под руководством Воробьева и Дункена. Штаб поручил нам ведение охранной службы.

Мы знали, что дело это нелегкое. Время стояло тревожное. Всякие темные силы старались использовать все пути и средства, чтобы сбросить большевиков.

На улицах, как только скоплялись кучки людей, сейчас же появлялись «агитаторы», призывавшие слушателей к свержению Советской власти, к созыву Учредительного собрания и т. д. Приходилось нам эти собрания разгонять, а злых «агитаторов» арестовывать.

Мне также пришлось работать по ликвидации уголовного элемента. Надо сказать, что уголовники тогда действовали особенно активно, а это, конечно, вело к недовольству среди населения, рождало всякие слухи, сеяло панику.

Однажды я стоял на посту — угол Смоленского и Прогонной. Подбегает ко мне женщина и говорит:

— У меня были грабители, забрали всё — до нитки. Я солдатка, заступиться за меня некому. Помогите, товарищ!

Я спрашиваю:

— А куда пошли грабители?

— А вон туда, к Семянниковскому заводу, к чайной. Я побежал туда. Смотрю — около чайной сидят трое, делят какие-то вещи. Я их арестовал и отвел в штаб.

Улики имелись налицо, и суд был короткий.

— Что с ними делать?

— Расстрелять!

Вопрос решили общим голосованием. Грабителей отвели вниз и расстреляли.

Да иначе и нельзя было: грабежи в те дни являлись преступлением не только уголовным, но и политическим, и бороться с ними можно и нужно было только самыми решительными мерами.

Во второй половине января тов. Дункен отправил меня в штаб Красной гвардии, в Волкову деревню, инструктором по пулеметному делу. Штаб помещался в продовольственной лавке купца Козлова.

Я получил пулемет и приступил к обучению красногвардейцев. Но почти каждый день приходилось отрываться для борьбы с бандитизмом.

Помню такой случай. Это было примерно 5 февраля. Мы пошли с обыском к фабриканту Алаеву — владельцу бензинных складов — и нашли у него два бака с бензином, зарытые в землю, а на квартире — 12 пудов серебра.

Едва вернулись в штаб — телефонный звонок. Звонят с завода «Салолин».

— В общежитии рабочих грабеж. Приехали люди в черном автомобиле, вооруженные. Забирают пожитки рабочих.

Я схватил две бомбы и наган, скомандовал: «Команда, за мной!» — и мы побежали к заводу «Салолин».

У общежития видим, стоит автомобиль. Когда мы стали приближаться к нему, он двинулся нам навстречу.

Не долго думая, я расставил красногвардейцев на дороге и велел им стрелять. Сам встал таким образом, чтобы, когда автомобиль поровняется, бросить в него бомбу.

Автомобиль шел очень быстро. Бомбу я бросил, но от сильного встречного удара бомба отскочила и взрыв получился сзади. Выстрелы красногвардейцев не попали по той же причине: автомобиль промчался, как вихрь.

Что делать? Я немедленно сообщил об этом в штаб первого района (помещался тогда на Кузнечном), чтобы они выслали к мосту Обводного канала машину с пулеметом. Машину выслали — и «черный автомобиль» был снят. Мы подоспели, задержали нескольких уголовников — бандитов.

А вот другой случай. Сижу я как-то вечером в штабе — мы тогда в штабе всё время проводили, — вдруг входит часовой.

— Сейчас мимо прошли семь вооруженных с узлами.

— Почему же ты их не задержал?

— Их было семеро, они вооружены, а я — один.

Через несколько минут вбегает в штаб железнодорожный служащий и рассказывает, что его обобрали семь вооруженных.

— Забрали все вещи, одежду, два ружья центрального боя, — взволнованно сообщил он.

Я взял винтовку, позвал 15 дежурных, бывших тогда в штабе, и побежал на улицу.

Добегаем до моста у Волковки и Расстанной — никого нет. Куда идти? Я послал команду по Волковке, а сам побежал по Расстанной. У кольца трамвая я заметил семерых вооруженных с узлами. «Несомненно, это грабители, которых мы ищем», — подумал я. Но сзади остановить их я не решился — они всё равно убежали бы. Тогда я решил взять их в обход. Я спрятал винтовку под шинель, перешел на другую сторону улицы, обогнал грабителей, опять перешел дорогу и пошел им навстречу, взяв винтовку на изготовку.

— Руки вверх! — скомандовал я.

Уголовники бросили узлы и схватились за оружие.

Раздумывать было некогда — я делаю несколько выстрелов. Трое падают. Тем временем один из грабителей подобрался ко мне боком, придерживаясь стенки. В руках у него блеснул револьвер. Однако я опередил его — размахнулся и ударил прикладом. Он упал.

Всё это произошло буквально в несколько мгновений. Бандиты, оставшиеся в живых, бросились бежать, отстреливаясь.

Я побежал за ними, но вдруг почувствовал боль в правой руке: один из бандитов ранил меня.

К счастью, из-за угла появились мои красногвардейцы. Они уже обошли весь район, услышали выстрелы.

и поспешили мне на помощь. Вместе с ними я забрал троих убитых бандитов, подобрал и того, которого ударил прикладом. Погрузили на извозчика вещи и вернулись в штаб.

Допрос учинили сразу. Сперва раненый бандит пытался отпереться, но улики были слишком явны. При нем мы нашли патроны от ружья центрального боя, ружья и т. д.

Утром мы вызвали железнодорожника, который заявлял нам о грабеже, он сразу узнал и бандита и вещи.

В конце концов грабитель признался. Оказалось, что бандиты — «солдаты из батальона смерти». Больше мы его не допрашивали, а отправили на Гороховую к тов. Урицкому. Меня же отправили в Мариинскую больницу лечить руку: пуля задела у меня в руке.

15 февраля меня пригласили на конференцию красногвардейцев. Конференция состоялась на Литейном проспекте в доме № 15. Там выступал тов. Володарский. Он говорил уже об организации Красной Армии.

Я отправился в штаб (помещался тогда на Загородном) и заявил, что хочу добровольцем записаться в Красную Армию.

Врачебная комиссия меня не принимала.

— Куда же ты без руки, — уговаривали меня. — Раньше полечись, а потом вой.

Но я настаивал. Тогда меня отправили на курсы саперных войск. А в октябре, когда рука моя уже зажила, вместе с Петроградским маневренным батальоном я ушел на Кавказский фронт.

